

Представление о смерти и бессмертии в творчестве Варлама Шаламова на примере Колымских рассказов

Mihovilić, Magdalena

Undergraduate thesis / Završni rad

2019

Degree Grantor / Ustanova koja je dodijelila akademski / stručni stupanj: **University of Zagreb, University of Zagreb, Faculty of Humanities and Social Sciences / Sveučilište u Zagrebu, Filozofski fakultet**

Permanent link / Trajna poveznica: <https://urn.nsk.hr/urn:nbn:hr:131:585849>

Rights / Prava: [In copyright](#)

Download date / Datum preuzimanja: **2021-02-27**

Repository / Repozitorij:

[ODRAZ - open repository of the University of Zagreb Faculty of Humanities and Social Sciences](#)

Sveučilište u Zagrebu

Filozofski fakultet

Odsjek za istočnoslavenske jezike i književnosti

Katedra za rusku književnost

Završni rad

*Представление о смерти и бессмертии в творчестве Варлама Шаламова на
примере Колымских рассказов*

Studentica: Magdalena Mihovilić

Mentorica: dr. sc. Danijela Lugarić Vukas, docentica

U Zagrebu, 19. lipnja 2019.

Содержание

1. Введение	4
2. Основная часть	5
2.1. Лагерная проза в контексте русской литературы XX века	5
2.2. Краткая биография Варлама Шаламова	8
2.3. Вопрос авторской позиции	9
2.4. Авторское понимание времени	11
2.5. Представление о смерти.....	12
2.5.1. Представление о смерти выражено в названии «Мусульманин»	15
2.6. Представление о бессмертии	18
3. Заключение.....	21
4. Литература.....	22

1. Введение

Лагерная проза является очень сложным концептом прозы, где категории времени, пространства, героев, автора, смерти и бессмертия строятся по новым принципам. В настоящей работе, мы постараемся проанализировать концепты смерти и бессмертия, чьи артикуляции в лагерной прозе являются особенно интригующими.

Одним из выдающихся примеров лагерной прозы в русской (советской) литературе являются *Колымские рассказы* Варлама Шаламова. В этом сборнике рассказов автор даёт особую конструкцию самого себя и в этом смысле, особую конструкцию автобиографичности и документальности. В настоящей работе, мы постараемся более подробно проанализировать представления о смерти и бессмертии в контексте лагеря как ада и «мёртвого дома». Мы посмотрим, как физический взгляд, но и психическое и духовное состояние человека меняются в таких экстремальных, нечеловеческих условиях разрухи, трагедии и смерти. Одновременно мы постараемся ответить на вопрос о том, как человек превращается в не-человека и какие особенности такого существа, есть ли у него ценностей и надежд на продолжение жизни и на бессмертие.

2. Основная часть

2.1. Лагерная проза в контексте русской литературы XX века

Лагерная проза – тематическое направление в русской литературе конца 1950-х по 1990-е годы, которое обнаруживает тему художественного образа лагеря в творческой рефлексии писателей. Писатель является очевидцем, наблюдателем со стороны или тем, кто вообще не видел лагеря и изучал его по архивам или воспоминаниям. Старикова (2015) определяет несколько общих черт лагерной прозы. Это – общая тематика и проблематика (тюрьмы, зоны/лагеря, системы ГУЛАГа в целом, тема несвободы или экзистенциальные темы как восприятие смерти и жизни, материального и духовного); автобиографический образ повествования; поэтическая документальность и связь с историей. Как следствие документальности является конкретность описаний и бытовое восприятие действительности. Кроме того, Старикова (2015: 173) уточняет специфику пространства в лагерной прозе («лагерь как остров, отделённый от материка, Москвы и свободной жизни; образ зоны как ада, «мёртвого дома»; образ лагеря как недолжного бытия с перевёрнутыми ценностными представлениями»). В лагерной прозе рассматривается особая психология человека в ситуации несвободы и существует особая авторская рефлексия над текстом, в котором речь идёт о психологическом и нравственном изменении человека под влиянием лагерного быта. Как общие черты всех произведений лагерной прозы можно определить изображение лагеря как ада и абсурда лагерной реальности, где лагерь оказывается моделью человеческой жизни, доведённой до крайнего предела.

В российском литературоведении сначала не существовало много исследований лагерной прозы. В 1989 г. появляется первая статья И. Сухиха, который анализировал произведения *Колымские рассказы* В. Т. Шаламова, *Непридуманное* Л. Разгона, *Чёрные камни* А. Жигулина, *Жизнь и судьба* В. Гроссмана. Прозу тех авторов, пишет Старикова (2015), можно определить как «новую прозу», где лагерь описывается как ад или «мёртвый дом», а тема – о вопросах человеческой природы и человечности. Исследователь Ю. В. Малова (2003, согласно Старикова 2015) утверждает начало термина лагерной прозы в эссе *О прозе* В. Шаламова, где Шаламов пользуется словосочетанием «лагерная тема». Относительно с тех пор такую прозу стали называть лагерной прозой. Эволюцию лагерной темы пыталась исследовать О. В. Васильева в статье в 1996 году, где отправной точкой послужила известная повесть А. Солженицына *Один день Ивана Денисовича*. Однако, исследовательница упомянула, что Шаламов в описании лагеря пошёл дальше от Солженицына: «В. Шаламов берёт крайние,

запредельные ситуации, а Солженицын – «средне-статистический» лагерь политзаключённых» (Васильева 1996, согласно Старикова 2015: 170).

Надо ещё упомянуть исследование Д. Лекуха (1991, там же), который описывает два направления лагерной прозы XX-ого века – «реально-историческое направление» А. И. Солженицына и «экзистенциальное» направление В. Т. Шаламова. «Экзистенциальное» направление Шаламова характеризует стремление автора показать и исследовать человека в предельной ситуации. Под «новой прозой» Шаламова понимается «новый метод претворения в художественной форме осмысления жизненного опыта, по выражению Н. Е. Таркана, это 'Документальность, сопряженная с психологизмом'» (Таркан 2008, там же: 170), где главным является понятие *анти-катарсиса*. *Анти-катарсис*, говорит Михеев (2011, там же), является приёмом, который

состоит в очевидном перенесении себя читателем – на место убитого, вернее, на место неназванного «я», наблюдавшего за этим убийством... Автор сознательно воздействует на чувства читателя, принуждая его пережить за «я» облегчение – но в то же самое время и укоры совести. То есть *анти-катарсис* – это ещё более отягощенное переживание вместо облегчения, или новые беспокойство, тревога, сомнение – сопутствующие локальному облегчению.

Как уже было упомянуто, в произведениях лагерной прозы лагерь описан как ад на земле, где абсурд становится нормой существования, а смерть из экзистенциального понятия переходит в обыденное. В том числе, Солженицын и Шаламов – не похожи друг на друга в своих размышлениях о психологии человека в таких условиях. Как пишет Сухих,

Солженицын абсолютно уверен, что человек, сохранивший в душе Бога, вынесет любые муки, преодолеет, победит... Человека можно убить, но нельзя сломать. [Шаламов считает, что если] человек всё-таки что-то сохранил в себе, значит, его просто мало били. Просветительское «среда заела» трансформируется у Шаламова в абсолютную, рабскую зависимость человека от тоталитарного целого. Потому шаламовские рассказы – это «записки с того света» человека, который так и не вырвался, не вернулся из ада (Сухих 2010, согласно Старикова 2015: 172).

По этому поводу интересно рассмотреть концепцию бытия и не-бытия, жизни, смерти и бессмертия в творчестве Шаламова. У Шаламова «смерть в лагере воспринимается как несобытие, простой факт, констатация чьей-то смерти. Она распространена на всей территории лагеря, становится содержанием пространства» (Юмдылыкова 2007: 78). Время на зоне тяготеет к пространству, т. е. категории времени и пространства заменяются друг другом, а изменение пространства смерти влияет на ускорение или замедление течения времени. Кроме того, скорость течения времени определяют факты как место работы (в забое или в амбулатории) – в тех категориях есть смысл и пространство жизни и смерти.

2.2. Краткая биография Варлама Шаламова

Варлам Шаламов родился в 1907 году в Вологде, а умер в 1982 году. В 1914 году он поступил в гимназию имени Александра Благословенного г. Вологды, а 1926 года поступил на 1-й курс Московского текстильного института и одновременно на факультет советского права Московского государственного университета. 7-го ноября 1927 Шаламов участвовал в демонстрации оппозиции к 10-летию Октября, проходившей под лозунгами «Долой Сталина!» и «Выполним завещание Ленина!» (Сиротинская, И. П.). 19-го февраля 1929 года его арестовали, потому что он печатал листовки под названием *Завещание Ленина* и за это он получил 3 года в лагере. В октябре 1931 года его освободили из исправительно-трудового лагеря.

Шаламов работал в журналах *За ударничество*, *За овладение техникой* и *За промышленные кадры*, а 1936 года вышла первая его новелла *Три смерти доктора Аустино* в журнале «Октябрь». 13-го января 1937 года произошёл второй его арест. Его арестовали за контрреволюционную троцкистскую деятельность и он 5 лет был заключён в исправительно-трудовых лагерях с использованием на тяжёлых работах. В декабре 1938 года его снова арестовали по лагерному «делу юристов», а в мае 1943 по доносу сокамерников «за антисоветские высказывания» и за похвалу в адрес великого русского писателя И. А. Бунина. 22-го июня 1943 года Шаламова осудили на 10 лет лагерей за антисоветскую агитацию. В 1944 году его снова арестовали, но в этот раз он не получил срока. 13-го октября 1951 года окончился срок его заключения, и в 1954 году Шаламов начинает работу над первым его сборником под названием *Колымские рассказы*. Первые стихи из *Колымских тетрадей* публиковали в 1957 году в журнале *Знамя*, а в 1972 году *Колымские рассказы* публиковали на Западе (Сиротинская, И. П.).

2.3. Вопрос авторской позиции

Из короткой биографии Варлама Шаламова видно, что он несколько раз был арестованным и получил срок заключения в лагерях. В этом смысле важно упомянуть, что жизнь в лагере в значительной степени определила его биографию и поэтому проблема авторской позиции в повествовании о лагере в *Колымских рассказах* является очень важной.

Автор определённого произведения может представить себя по-разному. Одной из возможностей представления автора может быть и представление в виде не-автора. Причины такого самопредставления могут быть разными, но Ардамацкая (2013) указывает на три. Автор может устранить субъекта (себя) ради событийной истины, т. е. ради преодоления субъективности в повествовании. Кроме того, автор может голос субъекта разделить на множество голосов-свидетельств или представить себя как не-автор из-за зазора между говорящим и описываемыми событиями (Ардамацкая 2013).

Одним из наиболее ярких воплощений двойника автора *Колымских рассказов* является Мандельштам, герой рассказа *Шерри-бренди*. В этом рассказе описывается сам процесс смерти: «Жизнь входила в него и выходила, и он умирал. Но жизнь появлялась снова, открывались глаза, появлялись мысли. Только желаний не появлялось»; «Не помню я никаких своих желаний тогдашних, кроме есть, спать, отдохнуть» (Юргенсон 2005: 334).

Мандельштам здесь является двойником Шаламова, что позволяет Шаламову описать свою собственную смерть и в то же время воздвигнуть надгробный памятник поэту. Шаламов пытался описать, что думает и чувствует Мандельштам, умирая – от голода. Интересно, что Мандельштам никогда не попал на Колыму. Он умер в лагере во Владивостоке. Шаламов несколько раз говорил, что завидовал Мандельштаму, потому что

Шаламов побывал на Колыме, приобрел знания, осуждающие от людей. За год до Мандельштама он побывал на той же пересылке, но уже узнав опыт Колымы, как посланник мёртвых. Этот этап описан в рассказе *Тифозный карантин*. Мандельштам в *Шерри-бренди* встречается с Шаламовым из *Тифозного карантина* (Юргенсон 2005: 334).

В этом произведении пишет, что Мандельштам заметил взгляд и улыбку Шаламова, потому что они оба были из «мира мёртвых». Ситуации, в которых находятся шаламовские герои, закрепляет суть ситуации смерти. Юргенсон (2005: 335) также напоминает, что у этих

героев не только возможность гибели, они не находятся только в её близости, а речь идёт именно о её наступлении, о прохождении через неё, когда «герой вытесняется из своего «я», подменяется двойником, которому уже не суждено из этого состояния выйти». Двойничество в этом рассказе создаёт потаенный уровень повествования от первого лица, связанный с самой смертью. Мотив «поглощения» героем погибшего двойника, когда герой приобретает предмет, который раньше принадлежал умершему, является важным во всей лагерной литературе. В этом смысле невозможное становится возможным, т. е. таким образом возникает документ о собственной смерти и свидетельство о временном пребывании в могиле (там же).

2.4. Авторское понимание времени

Историю, т. е. время можно условно разделить на две части – на время «до» и на время «после» катастрофы. Время после катастрофы характеризует бесконечная длительность катастрофы и распада. У Шаламова время разделяется по-другому. У него находим так называемую *триаду времени* (Ардамацкая 2013), где литература разделяется на литературу до катастрофы, литературу катастрофы и литературу после катастрофы. К литературе катастрофы, конечно, можно отнести лагерную прозу, потому что катастрофой в этом контексте является именно лагерь. В литературе катастрофы смерть рассматривается как победа жизни, а описыванием выражается смерть и ужас, что видно в коротком отрывке из рассказа *Перчатка* (Шаламов 2009: 379):

У меня изменилось представление о жизни как о благе, о счастье. Колыма научила меня совсем другому. [...] Принцип моего века, моего личного существования, всей жизни моей, вывод из моего личного опыта, правило, усвоенное этим опытом, может быть выражено в немногих словах. Сначала нужно возвратить пощёчины и только во вторую очередь – подаяния. Помнить зло раньше добра. Помнить всё хорошее – сто лет, а всё плохое – двести. Этим я и отличаюсь от всех русских гуманистов девятнадцатого и двадцатого века.

Тему представления о смерти, но и о бессмертии мы рассмотрим более подробно из несколько сторон.

2.5. Представление о смерти

В *Колымских рассказах* и *Надгробном слове* ясно выражена тема смерти, но и бессмертия. В этих произведениях Варлама Шаламова смерть описывается как что-то нормальное, что не побуждает страх в его персонажах. Как уже написано, смерть не представляется как конец, а причина тому в том, что жизнь в лагере в прямом смысле невозможна. Жизни в лагере нет. Люди, находящиеся в таких условиях, как лагерь, лишённые любой надежды и они не думают о спасении, о бессмертии и о новой жизни, потому что жизни уже нет, она давно ушла. В таких условиях, когда человек находится в «мире», который является отдалённым от мира, в котором он жил раньше, человек себе не может представить иную действительность. Этот человек уже привык к этой новой действительности, а старую действительность ежедневности уже не понимает и не помнит.

Как уже писала Ардамацкая (2013) в анализе триады времени, тот, кто долго времени жил в трагедии и в катастрофе думает, что она никогда не кончится, а что она будет длиться вечно.

Смерть в *Колымских рассказах* представляется не как предмет нравственного осмысления или духовных рефлексий, а как обыденность, потому что смерть перестала быть трагедией (Зайцева 2005). Трагедия смерти является в её отсутствии, т. е. смерть не характеризуется как что-то трагичное. Шаламов на лагерном опыте пытался осмыслить метафизические проблемы жизни и смерти, «поставить и решить важные нравственные вопросы времени: вопросы встречи человека и мира», «правды борьбы человека с государственной машиной, борьбы за себя, внутри себя – и вне себя», «возможности влияния на свою судьбу», «иллюзорность и тяжесть надежды» (Зайцева 2005: 67). Шаламов на эти вопросы, как и на вопросы о роли слова и литературы в нравственном спасении человека давал отрицательный ответ. Например, в письме к Ю.А. Шрейдеру от 24 марта 1968 года Шаламов писал, что «Все террористы прошли (...) толстовскую стадию, эту вегетарианскую, морализаторскую школу. Русская литература второй половины девятнадцатого века (...) хорошо подготовила почву для крови, пролитой в XX веке на наших с Вами глазах» (Шаламов 1989: 232). Для творчества Шаламова характерно всеотрицание, которое почти всегда заканчивается утверждением отрицаемого, когда «тезис и антитезис сменяют друг друга» (Волкова, согласно Зайцева 2005: 67). Всеотрицание и смещение оппозиций видно и в том, что Шаламов постоянно ищет вечные, неизменные опоры жизни, но с другой стороны, он не убеждён в том, что такая первичная реальность существует.

Смерть, физическая или духовная, наступившая, ожидаемая или неминуемая, в произведениях Шаламова движет сюжет. Смерть становится центральным организующим

началом повествования большинства новелл Шаламова, а смерть в *Перчатке* (Шаламов 2009: 378) определяет именно содержание и поэтику произведения: «Настал день, когда кожа моя обновилась вся – а душа не обновилась».

Как уже было сказано, отношение Шаламова к смерти и бессмертию надо рассмотреть с разных точек зрения, потому что оно неоднозначно. На примере рассказа *Тифозный карантин* можно заметить, что герой этого рассказа не может определённо выразить своё ощущение близящейся смерти: «В один из дней Андреев удивился, что он ещё живёт», «он понял, что не имеет страха и жизнью не дорожит», «жить ему не хотелось», «Андреев хотел жить» (Шаламов, согласно Зайцева 2005: 67).

Зайцева (2005: 67) определяет два типа сюжетов, основанных на теме смерти. К первому типу сюжета можно отнести рассказы как *Тифозный карантин*, *Серафим*, *Сентенция* и другие, в которых сюжет строится на коллизии ожидания, предчувствия или мечты героя о смерти как избавления от мук лагерной жизни: «Я рассчитывал умереть» (*Сентенция*); «Поташников ждал смерти со дня на день», «Поташникова охватывает желание ... просто лечь на колючие мерзлые камни и умереть» (*Плотники*); «Жить он не хотел» (*Серафим*) и т.д. Другой тип сюжета основан на попытке героя обойти смерть, обмануть судьбу, а частой фразой в таких рассказах является фраза «хотел жить», как например: «Андреев хотел жить» и «Он хотел жить» (Зайцева 2005: 67). С помощью этой фразы осуществляется вербализация мотива жажды жизни, которая видна в рассказах как *Сухим пайком*, *Город на горе*, *Бизнесмен* и другие.

Борев (Зайцева 2005: 68) объясняет, что трагическая в самом общем смысле слова смерть есть «гибель или тяжкие страдания», часто связанные с осознанием человеком своей смертности и пониманием неизбежности конца. Хотя смерть обычно одна из главных метафизических ценностей бытия, которые являются мерой вещей, у Шаламова это по-другому. В *Колымских рассказах* нет традиционных рефлексий по поводу смерти, смерть не является предметом духовно-нравственного осмысления и нет отношения к ней (философского, психологического, социального и любого иного). У шаламовских героев, говорит Зайцева (2005), нет ни страха, ни ужаса, ни отвращения от смерти. Его герои не ищут оправдания смерти, и она не вызывает у них ощущение абсурдности жизни:

Могила, арестантская общая могила, каменная яма, доверху набитая нетленными мертвецами ещё в тридцать восьмом году, осыпалась. Мертвецы

ползли по склону горы, открывая колымскую тайну. [...] Эти человеческие тела ползли по склону, может быть собираясь воскреснуть (*По Лендлизу*, Шаламов 2009: 252).

Герой в рассказе *По Лендлизу* живёт вне жизни (в лагере, где жизни нет), пока мертвецы собираются воскреснуть. Здесь видны ирония и сарказм по отношению к жизни и смерти, где они отрицаются. Мы уже упомянули связь смерти с обыденностью, но надо сказать, что слияние смерти с обыденностью у героев не вызывает никакого страдания духа ни реакции вообще:

Мёртвое тело, – пишет Шаламов, – всегда и везде на воле вызывает какой-то смутный интерес, притягивает как магнит. Этого не бывает на войне и не бывает в лагере, обыденность смертей, притупленность чувств снимает интерес к мёртвому телу (*Сухим пайком*, Зайцева 2005: 68).

2.5.1. Представление о смерти выражено в названии «Мусульманин»

Говоря о представлении о человечности, смерти и бессмертии, нельзя забыть, что заключённые в концлагерях часто получали прозвище мусульманин, т. е. *der Muselmann* (в контексте советских лагерей синонимом является слово «доходяга», которое Надежда Мандельштам в своих мемуарах описывает как «смерть на ногах»). На лагерном языке этим словом называли узника, который оставил всякую надежду и у которого не было «друзей». Мусульманин является объединением противопоставлений как добро и зло, благородство и низость, духовность и бездуховие. Мусульманин, говорит Агамбен (2012), ходячий труп, который потерял вес и движется очень медленно и вяло. У них мутный взгляд, кожа у них пепельно-серая, начинает шелушиться и становится подобной для инфекций. Глаза у них очень большие, череп длинный, а дышат они очень тяжело. У них часто образуются опухоли на веках и ступнях, но и на других местах. У них часто проблемы с пищеварительной системой, но кроме того, у них происходили и психологические изменения – они теряли интерес к происходящему вокруг, изолируясь от любых контактов с окружающим миром. Если у мусульманина ещё было сил ходить, он двигался очень медленно, не сгибая колен, и дрожал от холода. Таким образом он напоминал мусульман во время молитвы (Агамбен 2012). Понятие тех людей странно:

это они, уже не люди, с потухшим внутренним светом, слишком опустошённые, чтобы испытывать страдание. Трудно назвать их живыми, трудно назвать смертью их смерть, перед лицом которой они не испытывают страха, потому что слишком устали, чтобы её осознать. Они живут в моей памяти без лиц, и, если бы мне дано было создать образ, вмещающий в себя всё зло, причиненное в наше время человеку, я изобразил бы так хорошо знакомое мне изможденное существо со сгорбленной спиной и понурой головой, в лице и в глазах которого нельзя прочесть и намёка на мысль (Леви 2001, согласно Агамбен 2012: 45).

Это слово появилось в Освенциме, но проникло и в другие лагеря. В Майданеке (Агамбен 2012) для обозначения «живых мертвецов» использовалось слово *Gamel* (верблюд); в Дахау их называли *Kretiner* (тупицы), в Штутхофе – *Krippel* (калека), в Маутхаузене – *Schwimmer* (как будто они дрейфуют навстречу смерти), в Нойенгамме – *Kamele* (верблюды или тупицы), в Бухенвальде – *miide Scheichs* (расслабленные); в женском лагере Равенсбрюк их называли *Muselweiber* (мусульманки) или *Schmuckstucke* (висюльки, побрякушки). Нам кажется, что наиболее достоверным объяснением происхождения слова мусульман как

метафоры узника является «буквальное определение арабского слова *муслим*, которое обозначает человека, безусловно предавшего себя воле Бога» (Агамбен 2012: 46), но в контексте лагеря, это понятие приобрело другое значение и обозначало группу людей, потерявшую всякую волю к жизни и готовую к смерти. Разные исследователи и свидетели Освенцима называют мусульманов «ходячими трупами», «живыми мертвецами» и «мумиями» (там же) и что они находятся не только на границе между жизнью и смертью, но и на границе между человеком и не-человеком.

Приведённое указывает на то, что существует какая-то граница, когда человек, сохраняя свой облик, теряет человечность. Эта граница, напоминает Агамбен (2012), именно мусульманин, и лагерь преимущественно является её территорией. Всё ещё остаётся вопрос, как человек превращается в не-человека? Какие ситуации и обстоятельства заставляют человека потерять свои чувства, духовность, волю к жизни, свою «человечность»? На эти вопросы до сих пор трудно ответить, но у человека должен быть определённый ужасный опыт, чтобы он потерял все свои преимущества, чтобы он не мог эмоционально реагировать и воспринимать сигналы из своего окружения.

Хотя Беттельгейм говорит, что мусульман «символ последней черты; границы, за которой человек перестаёт быть человеком; моральной смерти, которой надлежит противостоять всеми силами, чтобы сохранить свое человеческое достоинство, а возможно, и жизнь» (Агамбен 2012: 67), для Примо Леви (там же) «мусульманин – это скорее зона эксперимента, в котором сама мораль, само достоинство человека ставятся под вопрос. Мусульманин – предельный образ особого рода, образ, в котором не только такие категории, как достоинство и самоуважение, но даже и граница этического теряют всякий смысл».

Как уже было сказано, мусульмане находятся на границе жизни и смерти. Их «существование» невозможно назвать жизнью и поэтому – их смерть невозможно назвать смертью. Их тело и духовность деградируют до того уровня, что их эсэсовцы называли фигурами и трупами (*Figuren*), а их смерть уже не может именоваться смертью и трупы тем более уже не могут быть названы трупами (Агамбен 2012). Смысл лагеря не только в отрицании жизни, а в том, что ужас того опыта не улаживается ни смертью, потому что достоинство не только жизни, а и смерти, уничтожается. В лагере речь идёт не только о смерти как концу жизни, а о смерти как оскорблению:

в Освенциме не умирали, там производились трупы. Неумершие трупы, не-человеки, чья гибель была обеспечена тем, что она была поставлена на поток. Именно это уничтожение смерти является, согласно одному из возможных и весьма распространённых толкований, тем особым унижением, которому подвергал своих узников Освенцим, и подлинным именем того ужаса, который он в себе несёт (там же).

Уничтожение смерти является одним из самых важных этических вопросов Освенцима, но и каждого уничтожения людей в лагере что, конечно, можно отнести и к Колыме. Некоторые авторы, как Рильке и Энтресс (там же), смерти в лагерях называют конвейерным производством, где каждая смерть не отделяется от другой, потому что самое важное – их количество. С другой стороны, Пеги (там же) говорит, что смерть в современном мире утратила своё достоинство. Что касается убивания лагерников, невозможно говорить о их смерти, потому что «они не умирали в подлинном смысле этого слова – они были продукцией, производимой фабрикой смерти» (там же). В лагере везде жизнь происходит без жизни, а смерть без смерти, не проявляя свою сущность.

«Лагерь – это место, где всякое различие между собственным и несобственным, возможным и невозможным практически стирается. [...] В лагере невозможно отличить смерть от остановки биологических процессов, различить умирание и 'ликвидацию'» (там же). Лагерь – это место, где смерть является тривиальной, бюрократической и обычной. Смерть в контексте лагеря различается от умирания. Умирание – от своих видов, а смерть – от производства трупов (там же).

2.6. Представление о бессмертии

Как и представления о смерти, так и представления о бессмертии могут быть разными. Ширяева (2014: 336) упоминает, что «отношение к теме бессмертия в аспекте субъективного чувства-переживания можно подразделить на шесть видов или форм» и эти формы «выражают все оттенки принятия-непринятия факта человеческой (личной, собственной) смертности:

1. Стремление к смерти как к избавлению от страданий, к средству обретения покоя.
2. Ностальгия, тоска по бессмертию, смиренное принятие смертности как неизбежности.
3. Бунт против невозможности, недостижимости бессмертия.
4. Неуверенность в возможности бессмертия для себя лично, надежда на него.
5. Активное стремление к бессмертию, борьба за него.
6. Уверенность в достижимости бессмертия, оптимизм в решении этой проблемы».

Надо упомянуть, что персонажи Шаламова знают, что они смертны. У них нет никакого бунта против смерти и против недостижимости бессмертия, у них нет надежды ни жажды жить, у них нет ни борьбы за бессмертие ни оптимизма в его достижении. Смерть для шаламовских героев не является концом жизни, потому что нет её начала. Зайцева (2005: 68) подчёркивает мотив «равнодушия» или «нравственной тупости» в отношении к смерти, который проходит через все циклы *Колымских рассказов*:

Ни разу я не нашёл в себе силы для энергичного возмущения, – пишет он в *Воспоминаниях* – Я думал обо всем покорно, тупо. Эта нравственная и духовная тупость имела одну хорошую сторону – я не боялся смерти и покойно думал о ней.

Равнодушие к смерти и бессмертности появляется также в других произведениях, например, в известном рассказе *Надгробное слово*, начинающемся со словами «Все умерли» (Шаламов 1998) и продолжающемся совсем спокойным описанием смертей более десяти людей.

Бессмертие в творчестве Шаламова не рассматривается с «традиционной» точки зрения, потому что отсутствие бесконечности снимает традиционную в литературе мысль о

бессмертия и религиозную надежду на вечную жизнь и воскресение. Автор в *Перчатке* отказывается от последних надежд на спасение:

Спасение может быть благо, а может быть и нет: этот вопрос я не решил для себя и сейчас. (Шаламов 2009: 344);

Рассчитывать жизнь дальше чем на один день не было никакого смысла. Само по себе понятие «смысл» – вряд ли допустимо в нашем фантастическом мире (там же: 347).

С другой стороны, сам процесс умирания не понимается как дело души, а лишь плоти, что впоследствии лишает его тайнства и загадочности. Смерть в этом смысле можно понять через жизнь, потому что вопрос отношения к смерти рождается из вопроса о смысле жизни, её ценности, что хорошо показывает рассказ *Шерри-бренди*:

Жизнь входила в него и выходила, и он умирал. Но жизнь появлялась снова, открывались глаза, появлялись мысли. Только желаний не появлялось. Он давно жил в мире, где часто приходится возвращать людям жизнь - искусственным дыханием, глюкозой, камфарой, кофеином. Мёртвый вновь становился живым. И почему бы нет? Он верил в бессмертие, в настоящее человеческое бессмертие. Часто думал, что просто нет никаких биологических причин, почему бы человеку не жить вечно... (там же: 76).

К рассказу *Шерри-бренди* можно отнести и понимание смерти и жизни как небытия. Это значит, что смерть рассматривается как состояние хронического небытия, не-жизни при жизни, тождество жизни и смерти (Ширяева 2014). Это хорошо иллюстрирует цитата из рассказа *Шерри-бренди*: «Стало быть, он умер раньше даты своей смерти - немаловажная деталь для будущих его биографов» (Шаламов 2009: 81).

Приём повествования, которое часто переносит описываемое за пределы жизни можно объяснить таким понятием, как беспомыслие (Ширяева 2014). В этом смысле, смерть предшествует началу повествования, она заполняет сюжетное пространство и продолжается за его границами: «Были ли мы? Отвечаю: «были» – со всей выразительностью протокола, ответственностью, отчётливостью документа» (*Перчатка*, Шаламов 2009: 343).

Анализ разнообразных представлений о смерти и бессмертии в *Колымских рассказах* позволяет привести итог, что смерть не воспринимается как неожиданность или как утрата, а

как метафизическое состояние лагерника. Это состояние небытия проявляется как данность, неотвратимость, предопределенность, как норма лагерной жизни (Ширяева 2014). Смерть в таких условиях не вызывает нравственных страданий, бунта, метаний мысли, попыток трагического самоопределения в границах жизни и смерти. Таким способом, впрочем, смерть описывается рассказчиком в известном рассказе *Перчатка*:

Глубокой осенью 1943 года, вскоре после нового десятилетнего срока, не имея ни силы, ни надежды жить – мускулов, мышц на костях было слишком мало, чтобы хранить в них давно забытое, отброшенное, ненужное человеку чувство вроде надежды (Шаламов 2009: 346).

Я сейчас дальше от смерти, чем в 1943 или в 1938 году, когда мои пальцы были пальцами мертвеца. Я, как змей, сбросил в снегу свою старую кожу. Но и сейчас новая рука откликается на холодную воду (там же: 345).

3. Заключение

Лагерь в *Колымских рассказах* является миром, где все правила и ценности – ненормативные. В этом мире люди научились жить по-другому – не жить, а только переживать. Они лишены страха, надежды и жажды спасения, а брошены в «не-жизнь», в автоматические действия, лишённые каждой духовности и смысла. Хотя персонажи смирились со своей судьбой, с трагедией и неизбежностью смерти, они думают об этом, что останется, когда их не будет. Может быть, что персонажи Шаламова не верят в их индивидуальную бессмертность, но хотят, чтобы память о них сохранилась. В рассказе *Шерри-бренди* после смерти поэта останутся его стихи:

Но если уж ему, как видно, не придётся быть бессмертным в человеческом образе, как некая физическая единица, то уж творческое-то бессмертие он заслужил. [...] Он верил в бессмертие своих стихов (Шаламов 2009: 76).

Страдания лагерников сохраняются в их болезнях, их записывает их тела и их перчатки, а память о тех, которые умерли, сохранит холодный камень, могила и это произведение, как свидетельство, что люди жили в нечеловеческих условиях и, поскольку другие относились к ним как к животным, они начали вести себя как животные – были холодные, без сознания о происходящем, без потребности в бунте, без духовности и без чувства сострадания. Об таких трагичных темах надо писать, чтобы люди узнали, что случилось, и чтобы читая, как спокойно описываются катастрофа и смерть, начали думать о моральности своих действий – на индивидуальном и на общественном уровне. Сам Шаламов сказал:

Я пишу о лагере не больше, чем Экзюпери о небе или Мелвилл о море. Мои рассказы — это, в сущности, советы человеку, как держать себя в толпе... Не только левее левых, но и подлиннее подлинных. Чтобы кровь была настоящей, безымянной (Шаламов 2013: 299).

4. Литература

- Агамбен, Дж. (2012). «Мусульманин». В: *Ното sacer. Что остается после Освенцима: архив и свидетель*. 42-93. Москва: Издательство «Европа».
- Ардамацкая, Д. А. (2013). Варлам Шаламов и поэтика после ГУЛАГа. *Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина*. 137-143. <https://cyberleninka.ru/article/v/varlam-shalamov-i-poetika-posle-gulaga>. (Дата посещения: 15-ое июня 2019).
- Зайцева, А. Р. (2005). Метафизика смерти в прозе Варлама Шаламова. *Вестник Башкирского университета*. 67-71. <https://cyberleninka.ru/article/v/metafizika-smerti-v-proze-varlama-shalamova>. (Дата посещения: 15-ое июня 2019).
- Сиротинская, И. П. *Варлам Шаламов – биография*. <https://shalamov.ru/biography/>. (Дата посещения: 15-ое июня 2019).
- Старикова, Л. С. (2015). Лагерная проза в контексте русской литературы XX века: понятие, границы, специфика. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 169-174. <https://cyberleninka.ru/article/v/lagernaya-proza-v-kontekste-russkoy-literatury-hh-veka-ponyatie-granitsy-spetsifika>. (Дата посещения: 15-ое июня 2019).
- Шаламов В. (1989). Письмо к Ю.А. Шрейдеру от 24 марта 1968 года. *Вопросы литературы*. №5. 232-233.
- Шаламов, В. (1998). Надгробное слово. В: *Собрание сочинений в четырёх томах. Т.1*. 369-381. Художественная литература, Вагриус. <https://www.shalamov.ru/library/1/2.html>. (Дата посещения: 15-ое июня 2019).
- Шаламов, В. (2009). *Колымские рассказы*. Санкт-Петербург: Азбука.
- Шаламов, В. (2013). *Собрание сочинений в шести томах. Т.5. Эссе и заметки. Записные книжки*. Москва: Книжный Клуб Книговек.
- Ширяева, Е. В. (2014). Самоотрансцендирование человека как основа стремления к бессмертию. *Историческая и социально-образовательная мысль*. 335-339. <https://cyberleninka.ru/article/v/samotranssendirovanie-cheloveka-kak-osnova-stremleniya-k-bessmertiyu>. (Дата посещения: 15-ое июня 2019).
- Юмдылыкова, Б. Н. (2007). Концепция смерти в «лагерной» прозе. *Вестник Забайкальского государственного университета*. 75-81. <https://cyberleninka.ru/article/v/kontseptsiya-smerti-v-lagernoy-proze>. (Дата посещения: 15-ое июня 2019).
- Юргенсон, Л. (2005). Двойничество в рассказах Шаламова. // Букс, Н. и Конт, Ф. *Семиотика страха*. 329-339. Москва: Издательство «Европа».

Sažetak

U ovom radu govori se o konceptu proze o logoru s posebnim fokusom na *Priče s Kolime* Varlama Šalamova. Stvaralaštvo Varlama Šalamova vrlo je značajno za shvaćanje proze o logorima (takozvana «lagernaja proza»), no i za razumijevanje samopozicioniranja autora u svojim djelima koje zatim nude značajne spoznaje za poimanje autobiografičnosti i dokumentarnosti u fikcionalnoj književnosti općenito. Varlam Šalamov, uz Aleksandra Solženicyna, jedan je od glavnih predstavnika proze o logoru, no za razliku od Solženicyna, on iskustva svojih likova (i samog sebe?) prenosi uz pomoć vrlo kontroverznih situacija, opisa i pripovijedanja.

Poseban fokus se u ovom radu stavlja na shvaćanje života, smrti i besmrtnosti u kontekstu logora. Život i smrt dvije su kategorije koje se u normativnim (svakodnevnim, uobičajenim) okolnostima shvaćaju kao antonimi, no u kontekstu logora one dobivaju nova značenja i granice. Logor pokazuje da su, u suštini, granice između života i smrti tanke i fluidne. I sam se pojam besmrtnosti, pod utjecajem drugačijeg shvaćanja života i smrti, mijenja i nestaje.

Rad nudi kratki pregled različitih koncepcija shvaćanja kategorija smrti i besmrtnosti koje se potkrepljuju primjerima iz samih *Priča s Kolime*. Analiza pokazuje heterogenost koncepcija i potiče na daljnje istraživanje ove složene teme.

Ključne riječi:

proza o logoru, Varlam Šalamov, *Priče s Kolime*, shvaćanje života, smrti i besmrtnosti, trijada vremena, *der Muselmann*, bestrasnost i beživotnost

Ключевые слова:

лагерная проза, Варлам Шаламов, *Колымские рассказы*, представление о жизни, смерти и бессмертии, триада времени, мусульманин, бесстрастие и безжизненность

Kratki životopis

Magdalena Mihovilić rođena je 18. kolovoza 1996. godine u Zaboku. Osnovnu školu pohađala je u Krapinskim Toplicama. Godine 2011. upisala je Gimnaziju Antuna Gustava Matoša u Zaboku, smjer opća gimnazija. Za vrijeme srednje škole volontirala je u sklopu akcija Crvenog Križa, Mreže udruga Zagor i drugih organizacija. Filozofski fakultet Sveučilišta u Zagrebu upisala je 2015. godine te je studentica pedagogije i ruskog jezika i književnosti.